

Фан Сынун лежал под кроватью, тщетно пытаясь усмирить бешеный стук сердца.

Шаги раздавались медленно, неровно, с оттяжкой на одну ногу — шедший явно был тяжело ранен.

Вскоре послышался протяжный скрип — похоже, приоткрыли дверцу шкафа. Следом заплескалась вода, раздался сухой металлический перебор: кто-то перекладывал ножи.

Сынун медленно, глубоко вздохнул раз, другой. Неистовый стук в груди немного утих. Лишь теперь он осознал, что мертвой хваткой вцепился в ладонь Юй Цюся. Он сжимал пальцы изо всех сил, но тот не сопротивлялся, безропотно позволяя держать себя.

Сынун хотел было высвободить руку, но Юй Цюся словно предугадал это движение: его пальцы мгновенно сомкнулись крепче, удерживая чужую ладонь в успокаивающем замке.

Это безмолвное прикосновение помогло отвлечься, напряжение слегка отступило. Спустя секунду журчание воды прекратилось.

Прошло еще немного времени, и тяжелые, шаркающие шаги приблизились вплотную к постели.

Чуть повернув голову, Сынун разглядел у самого края босые ноги. Истощенные, мертвенно-бледные щиколотки; по полу за ними волочился мокрый край белого полотенца.

«Значит, Ху Бай лазил в шкаф только за полотенцем?»

До Сынуна наконец дошло: Юй Цюся, скорее всего, заметил полотенце еще в шкафу. Догадавшись, что хозяин комнаты придет за ним после мытья, он и не позволил там прятаться.

Внезапно бледные ноги судорожно дернулись. Раздался глухой стук — Ху Бай тяжело рухнул на пол. От резкого удара коленных чашечек о доски заломило зубы.

Впрочем, Сынуна мало заботило, ушибся ли тот — он не страдал избытком сострадания к местным NPC. Настоящая беда крылась в другом: падая, Ху Бай невольно просунул руки глубоко под кровать. В одной он сжимал тяжелые ножницы — к счастью, плашмя, иначе лезвие вонзилось бы Сынуну прямо в лицо.

Чужие пальцы замерли буквально в пяти сантиметрах от его носа.

На исхудавшей кисти запеклась темная грязь, и в ту же секунду в нос ударил густой, удушливый запах свежей крови.

Он затаил дыхание, боясь, что даже малейший теплый выдох выдаст их укрытие.

В мыслях он отчаянно молил, чтобы Ху Бай не потерял сознание прямо сейчас, растянувшись на полу, — иначе их взгляды неизбежно встретились бы.

К счастью, хрипло подышав какое-то время, Ху Бай нашел в себе силы подняться. Сжимая полотенце, он тяжело повалился на матрас над их головами.

Только тогда Сынун позволил себе осторожно выдохнуть.

Юй Цюся слегка сжал его ладонь. Сынун ответил тем же — мол, все в порядке, держусь.

Но хрипы наверху не утихали, становясь лишь надрывнее и яростнее.

Тошнотворный запах крови не рассеивался, а заполнял все пространство под кроватью.

Вскоре хрипы сменились тихим, жалобным стоном, перерастающим в мучительный скулеж.

Деревянные доски над их головами нутжно заскрипели, матрас заходил ходуном.

Сынуна затрясло от озноба. Он лихорадочно силился вспомнить: босых ног ведь было две? В комнату вошел только один человек — Ху Бай? Что же тогда происходит наверху? Неужели можно устроить такое в одиночку?

Или на постели корчилось что-то еще... невидимое глазу?

Кап.

Стыка досок коснулась тяжелая багровая капля. Она сорвалась вниз и с тихим шлепком ударилась о пол прямо перед лицом Сынуна.

Вопли Ху Бая сделались истошными, нечеловеческими. Наверху словно открылся шлюз — кровь хлынула потоками, со свистом срываясь с трех сторон кровати, словно жуткий багровый водопад. Тяжелые брызги застучали по доскам, окружая укрытие сплошной завесой.

Настоящая пещера кровавого водопада.

Запах железа сделался почти невыносимым, забивая горло. Лужи стремительно ширились, подбираясь к самой одежде Сынуна.

Он попытался отползти назад, всем телом прижимаясь к Юй Цюся, ища спасения в его объятиях, но вскоре уперся в его грудь. Сдавать назад было некуда.

С другой стороны кровать тоже была окружена наползающей красной жижей. Они оказались в ловушке.

Сынун встретился взглядом с Юй Цюся. В груди разлился ледящий ужас.

«Юй Цюся... Что будет, если кровь коснется его?»

Но в глазах Юй Цюся не было и тени паники. Он лишь скользнул взглядом в сторону, призывая Сынуна посмотреть туда же.

Поняв немой намек, Сынун скосил глаза и уставился в темный угол, где стояло старое зеркало.

Пыльная амальгама под определенным углом отражала все, что творилось на ложе сверху:

Ху Бай лежал навзничь, обнаженный ниже пояса. Задранная до груди рубаха обнажала костлявое, истощенное тело, посреди которого чудовищным, противоестественным бугром высился огромный раздутый живот. Раскинув бессильные ноги, несчастный корчился в луже хлещущей из паха крови, которая уже пропитала матрас насквозь.

Зрелище было настолько омерзительным и жутким, что Сынун тотчас отвернулся, не в силах смотреть на это безумие.

Он рожал.

Обыкновенное, извечное таинство, через которое веками проходили миллионы женщин, здесь выглядело извращенным кошмаром, от которого волосы на голове шевелились.

Наверху продолжал надрываться измученный голос, потоки багровой жижи струились на пол. Сынуну не хватало смелости вновь взглянуть в зеркало, чтобы узнать, разрешится ли этот кошмар хоть чем-то живым.

«Подожди... Когда мы только прибыли, его живот легко скрывался под обычной просторной одеждой. Прошло всего несколько дней — и вдруг такой неестественный, стремительный рост?»

«Нет, все не то. Это безумный, ирреальный мир, здесь не действуют законы природы».

Обычный человек при такой кровопотере давно бы испустил дух, а этот до сих пор хрипел и

содрогался.

Внезапно голову Фан Сынуна пронзила острая, пульсирующая боль.

С тех пор как они расстались с Юй Цюся, тревога и затяжная бессонница стали его постоянными спутниками, а вместе с ними пришли и изнурительные мигрени. Раньше хватало пары таблеток анальгетика, но сейчас спасительных лекарств под рукой не было, и боль разгоралась в черепе с новой силой.

Дикие вопли над головой и удушливые миазмы крови только подстегивали приступ, делая страдание невыносимым.

Стиснув зубы, Сынун обхватил голову руками, из последних сил сдерживая рвущийся из груди стон. Вдруг сильные пальцы Юй Цюся дернули его на себя. Сынун послушно перевернулся на бок, лицом к лицу с ним, и его уткнули носом прямо в распахнутый ворот чужой рубашки.

Знакомый, родной аромат мгновенно вытеснил удушливый запах бойни. Нахлынули прохлада заснеженных вершин, свежесть альпийских лугов и влажные нотки храмового благовония.

Флакон с диковинным названием «Священная обитель» достался ему три года назад во время съемок на Тибете. Тогда Сынун случайно сошелся с одним паломником. За два месяца командировки они то и дело пересекались в древних монастырях Лхасы, подолгу беседуя обо всем на свете. Прощаясь, странник вручил ему этот подарок, обронив загадочное: «Мы связаны судьбой». Позже Сынун узнал, что этот скромный человек был едва ли не лучшим парфюмером современности.

Брать дорогой подарок он поначалу не хотел, но стоило вдохнуть аромат «Священной обители», как перед глазами тут же встал образ Юй Цюся. Вернувшись, Сынун преподнес флакон ему. Юй Цюся полюбил этот запах всей душой и не расставался с ним по сей день.

«Постой...»

«Разве одного флакона может хватить на целых три года?»

«И как этот запах ухитрился уцелеть за столько дней в проклятом театре?»

Мысли путались, раскалывающаяся от боли голова кружилась. Рассуждать здраво не получалось — оставалось лишь утыкаться лицом в шею Юй Цюся, жадно впитывая успокаивающий аромат. Минуты тянулись бесконечно. Постепенно терзающий приступ утих, а вместе с ним затихло и безумие наверху. Судорожные рыдания прекратились, а сплошной багровый поток, хлеставший с матраса, сменился редкими каплями, пока наконец не воцарилась глухая тишина.

«Неужели вся кровь вышла?»

Сынун убаюкивал себя родным теплом, надеясь лишь на одно — перетерпеть эту ночь до рассвета.

Но...

Тук. Тук. Тук.

Тяжелые, размеренные удары донеслись снизу, прямо из-под половиц. Сынуну показалось, будто неведомая тварь ломится сквозь тончайшую фанеру прямо под его телом.

Там, во тьме подполья, определенно кто-то был.

Волосы на голове зашевелились от ужаса. Неужели это те самые «экспонаты», что они днем перетаскивали на первый этаж? Что, если эти твари сейчас проломают доски и выберутся наружу?

Сынун заставил себя открыть глаза и осторожно перевернулся на спину. От каждого подземного удара по багровой луже на полу разбегалась мелкая дрожь.

— А-а... как же вы надоели... — донесся сверху слабый, но полный лютой злобы голос Ху Бая.

Он едва шептал, но от этих ядовитых интонаций по коже пробежал мороз.

Помолчав, роженик вдруг взвизгнул, откуда-то черпая новые силы:

— Заткнитесь! Твари, а ну тихо!

Подземный стук, разумеется, и не подумал стихнуть.

Прошло еще несколько томительных минут, и Ху Бай запел. Это был безумный, монотонный мотив:

— Под кроватью пусто... Под кроватью никого нет...

Сынун вспомнил: это ведь одно из правил, которые озвучивал сам хозяин комнаты. Но сейчас его бормотание больше походило на отчаянную попытку самовнушения.

Под этот безумный напев страх сжимал горло все сильнее, и Сынун почувствовал, как к нему подступает предчувствие чего-то неотвратимого и страшного.

— Под кроватью пусто... Под кроватью никого нет...

Снизу продолжали глухо колотить, а сверху лилась зловещая колыбельная.

— Под кроватью пусто... Под кроватью никого нет... Под кроватью никого нет...

—...правда?

На этом тихом слове слабый полумрак под кроватью окончательно сгустился. В зазоре между полом и свисающим покрывалом показалось человеческое лицо.

Оно висело вниз головой.

Длинные, слипшиеся пряди волос плавали в темной луже. Искривленный судорогой рот растянулся в безумной ухмылке, но из-за перевернутого ракурса казалось, будто это лицо беззвучно рыдает.

Сердце Сынуна оборвалось и ухнуло куда-то вниз, оставив в груди лишь звенящую пустоту.

<http://bllate.org/book/20607/2162142>